

А.М. Курышов

ПУТЕМ ЗЕРНА

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же или путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.
Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.
И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

Владислав Ходасевич, 1917 г.

Не случайно в заголовок вынесено название одной из главок знаменитого произведения Л.Н. Гумилева¹. Дело в том, что концепция демографических циклов уральского историка С.А. Нефедова, изложенная в одноименной, здесь рецензируемой работе*, обнаруживает связь с теорией Л.Н. Гумилева. Традиционно по признаку восприятия исторического процесса все исторические концепции делятся на две группы — относящиеся к линейному подходу и к циклическому подходу. Сторонники линейных концепций рассматривают исторический процесс как однонаправленную линию, признают лишь один вариант развития для всего человечества и перманентно прогрессивный характер трансформаций человеческой цивилизации. Популярнейшими концепциями такого толка являются формационная теория К. Маркса и теория стадий экономического роста У. Ростоу. Сторонники циклического (цивилизационного) подхода отстаивают мысль о многовариантности развития цивилизаций (или культурно-исторических типов) и признают циклический характер исторического процесса. И тот, и другой подходы имеют свои достоинства,

* Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: изд-во УГТУ, 2007. 141 с.

но и недостатки. Поэтому во второй половине XX века стали появляться синтетические концепции, стремящиеся соединить лучшее линейного и циклического подходов.

Суть синтеза в большинстве случаев сводится к признанию некоторого своеобразия за отдельными странами (народами, цивилизациями, культурами, этносами и т.п.) и циклического характера исторического процесса. Но при этом выделяются универсальные циклы, характерные для любых общностей в любое время, подчеркиваются закономерность и преемственность циклов, а также прогрессивный характер исторического процесса в целом. В нашем Отечестве самой популярной синтетической концепцией является теория развития этносов (теория пассионарности) Л.Н. Гумилева. Но она не единственная в своем роде. К синтетическим концепциям представляется возможным отнести и теорию С.А. Нефедова, ибо в ней сочетаются черты линейности и цикличности, хотя сам автор неявно и мягко критикует цивилизационный подход². Но, — обо всем по порядку.

Книга С.А. Нефедова четко структурирована. В первой главе даются краткое описание и анализ неомальтузианских концепций демографических циклов, а также критических замечаний в их адрес; констатируется возможность описания на основе *математических моделей* базисного постулата мальтузианской теории (зависимость уровня естественного прироста от уровня потребления) и циклического характера демографической динамики.

Во второй главе С.А. Нефедов ставит задачу математическими методами доказать возможность демографических колебаний, имеющих эндогенную (не зависящую от внешних факторов) природу. Эту задачу автор успешно выполняет, показывая, что динамика *земледельческих популяций* имеет колебательный характер, причем колебания эти могут происходить без внешних воздействий. Причина колебаний — запаздывающая реакция населения на сокращение запасов продовольствия. Автор подчеркивает, что колебательный (т.е. циклический) характер демографических процессов сохраняется и при учете фактора развития технологий.

Далее С.А. Нефедов указывает, что на практике на демографические колебания всегда влияют внешние (в том числе — случайные) факторы. Однако они не порождают, а лишь корректируют или усиливают колебательные процессы, которые имели бы мес-

то и без них. В доказательство этого положения автор применяет свою математическую модель к конкретному историческому периоду истории Китая (эпоха династии Хань, I–II вв.). Результатом этих усилий явилась модель демографического цикла, которая, по мнению автора, *универсальна* и применима к любому *аграрному* обществу³: наличие свободных земель ведет к увеличению потребления, что, в свою очередь, приводит к росту населения; рост населения сопровождается увеличением посевных площадей и запасов зерна до определенного момента (до тех пор, пока имеющиеся ресурсы (экологическая ниша) способны удовлетворять потребности растущего населения); колебания урожайности не влияют на общую картину; перенаселение приводит к разорению крестьян, росту крупного землевладения, числа арендаторов и ремесленников, и, в конечном итоге, к демографической катастрофе, сопровождающейся гражданскими войнами, восстаниями и эпидемиями. Расхождения в датировках колебаний в модели и реальности незначительны и объясняются влиянием случайных факторов и стабилизирующей ролью государства (которые, однако, не влияют на общую направленность процессов). Эпидемии являются не причинами увеличения смертности, а следствиями низкого уровня жизни и перенаселения.

Смоделировав демографический цикл, С.А. Нефедов приступает к определению фаз цикла. Проанализировав имеющиеся в литературе варианты периодизаций демографических циклов, автор предлагает свой вариант. Демографический цикл делится на три фазы, каждая из которых имеет свои отличительные признаки, позволяющие ее выделить. *Фаза внутренней колонизации (фаза роста)* характеризуется: 1) наличием свободных земель; 2) быстрым ростом населения; 3) ростом посевных площадей; 4) низкими, но стремящимися к повышению ценами на хлеб; 5) высоким, но стремящимся к понижению уровнем заработной платы; 6) высоким, но стремящимся к понижению уровнем потребления; 7) низким, но стремящимся к повышению уровнем земельной ренты; 8) строительством новых (или восстановлением старых) поселений; 9) ограниченным развитием городов и ремесел; 10) незначительным развитием аренды и ростовщичества. *Фаза сжатия* характеризуется: 1) отсутствием доступных свободных земель; 2) крестьянским малоземельем; 3) высокими

ценами на хлеб; 4) низким уровнем заработной платы; 5) низким уровнем потребления; 6) ограничением демографического роста уровнем урожайности; 7) высоким уровнем земельной ренты; 8) частыми голодом и эпидемиями; 9) разорением крестьян-собственников; 10) распространением ростовщичества и аренды; 11) высокими ценами на землю; 12) ростом крупного землевладения; 13) уходом крестьян в города; 14) ростом городов, ремесел и торговли; 15) ростом числа нищих и безработных; 16) голодными бунтами и восстаниями; 17) активизацией народных движений под лозунгами передела земельной собственности и социальной справедливости; 18) попытками проведения реформ, направленных на облегчение положения народа; 19) тенденцией к усилению централизации власти; 20) попытками увеличения продуктивности земель; 21) поощрением государством колонизации и эмиграции; 22) ввозом продовольствия; 23) внешними войнами с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления. *Фаза экосоциального кризиса* характеризуется: 1) широкомасштабными голодом и эпидемиями; 2) восстаниями и гражданскими войнами; 3) внешними войнами; 4) гибелью масс населения; 5) разрушением и запустением городов; 6) упадком ремесла и торговли; 7) высокими ценами на хлеб; 8) низкими ценами на землю; 9) гибелью значительной части крупных собственников и перераспределением собственности; 10) социальными реформами, в некоторых случаях принимающими характер революции, порождающей этатистскую монархию. Автор подчеркивает, что после третьей фазы в некоторых случаях имеет место *интерцикл* (период депрессии)⁴.

В третьей главе С.А. Нефедов приступает к распознаванию демографических циклов в реальной истории. В начале главы он вводит в свою модель новую переменную, которая характеризует социально-политическую основу общества. Эта переменная в базисе своем имеет вид *частнособственнического общества*, которое трансформируется в ходе развития цикла в *этатистскую монархию*. Частнособственническое общество характеризуется индивидуальной или частной собственностью на землю и демократической или олигархической формой правления, этатистская монархия — государственной собственностью на землю и системой государственного регулирования. Этатист-

ская монархия в результате внешнего завоевания может превратиться в *сословную монархию* (характерная черта — замкнутые сословия) или в страну *классического феодализма* (характерная черта — вассальные отношения). В ходе внутреннего развития этатистская монархия может трансформироваться также в *частнособственническую монархию* (характерная черта — сосуществование государственной и крупной частной собственности на землю), а сословная — в *феодалную монархию* (характерная черта — сосуществование слабой монархии с феодалными поместьями и крупной земельной собственностью).

Итак, автор выделяет демографические циклы в реальной истории, останавливаясь на странах Востока. В истории Месопотамии выделен 21 цикл, в истории Египта — 19 циклов, в истории Китая — 14 циклов, в истории Индии (лишь с XIII в.) — 4 цикла. Далее С.А. Нефедов анализирует социально-политические трансформации в отдельные фазы циклов и приходит к выводу, что в фазе сжатия в *подавляющем большинстве случаев* формируется этатистская монархия.

Доказав наличие в реальной истории демографических циклов, опираясь на постулаты неомальтузианства и собственные формально-логические модели и математические методы, С.А. Нефедов обращается к проблеме анализа этих циклов. Инструментом такого анализа автор выбрал близкую неомальтузианству демографически-структурную теорию Дж. Голдстоуна. Примирению этих двух концепций и посвятил С.А. Нефедов четвертую главу. Он принял за основу положения Дж. Голдстоуна о наличии системы «*государство–элита–народ*», о борьбе между элементами этой системы за ресурсы, о *государственном кризисе* как проявлении недовольства элиты и народа государством и о *брейкдауне* (разрушение государства) как следствии этого кризиса. Принял автор также и положения о приоритетном влиянии на систему «государство–народ–элита» демографического фактора и о наличии демографических циклов (поскольку это согласуется и с разделяемой автором неомальтузианской теорией), но отверг постулат Дж. Голдстоуна об *экзогенном характере причин демографических колебаний*. Далее, дополнив уже известную читателю математическую модель показателями, характеризующими влияние на демографические процессы государства и элиты, С.А. Не-

Федов еще раз доказал в целом эндогенную природу циклов, но внес в модель демографического цикла некоторые дополнения.

Дополнения сводятся к следующему: 1) можно выделить *два типа* экосоциальных кризисов — связанных с перенаселением народа и с перенаселением элиты; 2) *экзогенные факторы начинают играть существенную роль* в демографической динамике в фазе сжатия (играют роль катализатора); 3) список признаков отдельных фаз цикла, выделенные ранее, должен быть дополнен а) для фазы роста — низким, но склонным к повышению уровнем государственных налогов; б) для фазы сжатия — непропорциональным ростом численности элиты (относительно роста численности народа), ростом конкуренции за статусные позиции в среде элиты, расслоением элиты, финансовым кризисом государства, обострением борьбы за ресурсы между народом, государством и элитой, ослаблением государственной идеологии, провокациями народных выступлений против государства, организованными элитой; в) для фазы экосоциального кризиса — государственным банкротством, потерей административной управляемости, брейкдауном; 4) должно быть введено новое понятие *трансформации структуры* (т.е. трансформации системы «государство-народ-элита»), которым определяются качественные изменения элементов и внутренних связей системы.

Последнее дополнение очень важно, поскольку структурные трансформации приводят к масштабному перераспределению собственности и могут привести к *структурному кризису*, отражающемуся на общем развитии цикла. Однако демографически-структурная теория не может объяснить все структурные трансформации. Поэтому С.А. Нефедов в пятой (заключительной) главе анализирует теории, которые могут быть применимы для такого объяснения в дополнение к модифицированной им демографически-структурной теории. Автор связывает перспективы такого анализа с диффузионизмом (в частности — с теорией культурных кругов), теорией Ибн Халдуна, теорией «военной революции» М. Робертса и теорией модернизации. Они призваны объяснить *феодалную, абсолютистскую и промышленную структурные трансформации*. Цивилизационному подходу и фактору климатических изменений автор отказывает в возможности анализа структурных изменений.

В заключении автор приходит к выводу, что *история стран есть смена демографических циклов*, которые, таким образом, являются универсальной исторической реальностью⁵. Хотя С.А. Нефедов говорит здесь только о рассмотренных им странах Востока, это его мнение, похоже, распространяется и на другие регионы (в частности — на Россию)⁶.

Модель демографических циклов, предложенная С.А. Нефедовым, основанная на математических формулах, историкам может показаться слишком сложной, но математика в данном случае выступает лишь инструментом построения модели. По большому счету, признаки фаз демографического цикла, выделенные автором, могут быть зафиксированы и без использования математического аппарата. Математика здесь выступает средством формализации и придает научный вес теоретическим построениям, которые в других условиях (если бы они появились на свет в результате обычной для историков *литературной* деятельности) выглядели бы сомнительно. Поэтому модель действительно универсальна, в целом логична и имеет для исторической науки безусловную практическую значимость.

Хотелось бы обратить внимание на сам факт обращения С.А. Нефедова к структурному анализу, следствием которого явилось построение удачной научной концепции. На наш взгляд для отечественной исторической науки этот факт симптоматичен. Кризис общественных наук в нашем Отечестве, вызванный распадом страны и девальвацией уже укоренившихся ценностей, с низвержения марксистской теории только начался, а продолжился расцветом различного рода цивилизационных концепций и околонучных гипотетических построений (в духе многовариантной истории⁷). Однако они даже все вместе взятые не могли заполнить вакуум, образовавшийся после отказа от действительно универсальной (как бы мы к ней не относились) марксистской модели. Понятно, что в этих условиях серьезные историки стали искать выход в адаптации и модернизации различных (в том числе — структуралистских) концепций, получивших в XX в. широкое распространение на Западе (во многом такое широкое распространение было реакцией на рост популярности марксизма). Это закономерное явление и оно, вероятно, через некоторое время будет диктовать моду в отече-

твенной науке. Пока же это свежо, интересно и способствует расширению взглядов с одной стороны на историческую реальность (в данном случае — сквозь призму демографических процессов), с другой — на методологию истории.

Концепция С.А. Нефедова основана на социологической модели и не может объяснить все реалии исторического процесса, поэтому при ближайшем рассмотрении вызывает множество частных замечаний. Например, почему в процессе введения переменных в одну и ту же математическую формулу (таких, как величина государственных налогов, средняя урожайность и т.п.) используются примеры, относящиеся к разным странам и эпохам? Почему выделяемые циклы (не говоря уже об эпизодических интерциклах) различны по временной протяженности? На каком основании междоусобные войны и внешние завоевания автором иногда включаются в циклы, а иногда — в интерциклы? Однако все подобные замечания предусмотрены автором. Он прямо говорит, что построенная им схема является формальной моделью, не претендует на объяснение всех явлений исторического процесса, а циклы (и их фазы) выделяются только в том случае, если фактический материал позволяет это сделать. Только тогда можно данный период истории данной страны рассматривать с позиций демографически-структурного анализа⁸. Признание условности своих логических построений — редкое качество для историка, и оно только делает честь С.А. Нефедову. Несмотря на такую условность модели в целом, некоторые ее составные части представляются в полной мере обоснованными фактически. Сюда бы мы отнесли положения о приоритете социально-экономических факторов по отношению к социально-политическим (в ходе развития цикла), об обусловленности эпидемий низким уровнем жизни и перенаселенностью, о формировании иерархического (сословного) общества вследствие завоеваний, о важной роли государственного регулирования экономических процессов и многие другие.

Серьезнее некоторые другие вопросы. К ним относится, в первую очередь, краеугольная проблема эндогенности-экзогенности демографических колебаний, с которой связаны все остальные. Эндогенность доказана математически, но беда в том, что в реальности *всегда* действовали экзогенные факторы. Их роль

оценена автором, но лишь как катализатора процессов. Действительно ли это так? Нам представляется, что С.А. Нефедов слишком преуменьшил влияние фактора глобальных климатических изменений и геофизических катастроф. Трансформации такого рода, возможно, уничтожили крито-микенскую цивилизацию, способствовали упадку Хазарского царства, вынудили покинуть степи Центральной Азии тысячи кочевников на рубеже новой эры. Каждое из этих и других подобных явлений вызывало цепную реакцию важнейших для всемирной истории событий, и это отмечается многими историками.

Далее, С.А. Нефедов утверждает, что количество признаков фаз демографического цикла таково, что циклы можно выделить в реальной истории даже при отсутствии данных о численности населения. И действительно, в рамках предложенной автором социологической модели (особенно в ее втором, модернизированном варианте (в рамках системы «государство–народ–элита»)) численность населения и его динамика выглядят далеко не главными элементами. Поскольку динамика численности населения не всегда вписывается в стройную схему, автор склоняется к тому, что «роль демографического фактора особо значима в периоды Сжатия и перенаселения»⁹. Именно в этой фазе «демографическая динамика становится крайне чувствительной» к экзогенным факторам в силу перенаселенности¹⁰. Другими словами значение перенаселенности и вообще демографического фактора проявляется под воздействием внешних вызовов. В этом нам видится противоречие модели *демографических* циклов.

Особенно бросается в глаза тождественность демографических циклов и выделяемых историками по *социально-политическим* признакам традиционных периодов (не случайно С.А. Нефедов вводит в свою модель социально-политические категории феодальной, сословной, этактистской монархий). Не вдаваясь в подробности относительно периодизации стран Древнего Востока (хотя и здесь невооруженным глазом прослеживается зависимость выделения демографических циклов от традиционной периодизации), укажем на соответствие выделяемых автором циклов и традиционно выделяемых периодов в истории России¹¹. К первому российскому демографическому циклу он относит период со второй половины XV в. до начала XVII в. (то,

что в традиционной истории называется эпохой Московской Руси). Первая фаза цикла соответствует окончательному объединению России под эгидой Москвы, вторая — централизации государства при Иване Грозном, третья — социально-экономическому, а затем и политическому кризисам последней четверти XVI–начала XVII вв. Период большей части XVII в. трактуется как период восстановления (начало формирования абсолютной монархии), затем начинается второй российский демографический цикл (в традиционной трактовке — история Российской империи). Фаза роста в нем соответствует формированию и укреплению абсолютизма в XVIII в., фаза сжатия — выделяемому еще советскими историками периодам наивысшего расцвета и кризиса абсолютизма в XIX в., фаза кризиса — периоду русских революций начала XIX в. Получается, что в результате анализа российской истории на основе демографически-структурной концепции мы получаем давно известные, выделенные по не связанным с демографией признакам периоды. Циклы — да, демографические — ???.

И, тем не менее, предложенная С.А. Нефедовым модель имеет право на существование и, более того, имеет большое будущее (особенно в свете обострившихся в современном мире демографических проблем). Почему бы и нет? Она увязывает подзабытый историками фактор демографической динамики с социальными, экономическими, политическими процессами, она позволяет взглянуть еще раз на прошлое человечества с высоты «птичьего полета», — качество, так необходимое многим историкам, погрязшим в сонме уникальных и не поддающихся классификации исторических фактов. Конечно, предложенная автором концепция не свободна от некоторых недостатков, главный из которых — рассмотрение прошлого сквозь призму современных стереотипов (например, констатация частнособственнических отношений в древневосточных общинах), но это присуще большинству современных теорий. Важно (возвращаясь к тому, что было сказано вначале), что предложенная концепция, являясь теорией синтетической, позволяет предположить наличие неких закономерностей исторического процесса, при этом констатируя присущую всей живой природе цикличность развития (и тем — связывая, в известной степени, человека и природу).

Действительно, все мы идем путем зерна, умирая, возрождаясь и повторяясь вновь в своих детях, в новых эпохах.

Что касается формализации, то на современном этапе (пока не изобретена машина времени) только через нее возможно превратить историческую *литературу* в историческую *науку*. Главное, чтобы увлечение формальными методами не переросло в отечественной науке в постмодернизм, отрицающий саму важность конкретных исторических проблем (а опасения такого рода высказывались еще в конце прошлого века)¹². Во всяком случае, концепция С.А. Нефедова — пример для всех математиков, как нужно заниматься историей.

Примечания

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2003. С. 573.

² Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 123.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 50–51.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ См.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV–начало XX века. Екатеринбург, 2005. 543 с.

⁷ См., например: Гуц А.К. Многовариантная история России. М.; СПб., 2001. 384 с.

⁸ Нефедов С.А. Концепция демографических циклов... С. 102.

⁹ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России... С. 194.

¹⁰ Нефедов С.А. Концепция демографических циклов... С. 98.

¹¹ См.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России...

¹² См.: Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. 368 с.